

Шлегель Фридрих.

Ш68 Эстетика. Философия. Критика. В 2-х т. Т. 1.
/Вступ. статья, пер. с нем. Ю. Н. Попова; Примеч.
Ал. В. Михайлова и Ю. Н. Попова.—М.: Искус-
ство, 1983.—479 с., 1 л. портр.—(История эсте-
тики в памятниках и документах).

В первый том философско-эстетических работ немецкого критика, философа, писателя конца XVIII — первой четверти XIX века включены отрывки из «Истории поэзии греков и римлян», статьи о Лессинге, Георге Форстере, «Вильгельме Мейстере» Гете, «Фрагменты», письмо «О философии», «Разговор о поэзии» и др.

Ш 030206000-099
025(01)-83 11-83

ББК 87.8

ФРИДРИХ
ШЛЕГЕЛЬ

ЭСТЕТИКА
ФИЛОСОФИЯ
КРИТИКА
ТОМ I

Редактор
С. М. АЛЕКСАНДРОВ
Младший редактор
И. В. ЧЕРНИКОВА
Художник серии
А. Т. ТРОЯНКЕР
Художественный редактор
А. А. РАЙХШТЕЙН
Технический редактор
Н. С. ЕРЕМИНА
Корректор
Т. И. ЧЕРНЫШОВА

ИБ № 1905

Сдано в набор 03.08.82. Подп. в печать 21.02.83. Формат издания 84×108/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 25,2. Уч.-изд. л. 26,836. Изд. № 17554. Тираж 25 000. Заказ 594. Цена 2 р. 20 к. Издательство «Искусство», 103009 Москва, Собиновский пер., 3. Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28.

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Н. Попов

ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ФРИДРИХА ШЛЕГЕЛЯ

7

I

ДРЕЗДЕН—ЙЕНА

1794—1797

О ШКОЛАХ ГРЕЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

40

ОБ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ЦЕННОСТИ ГРЕЧЕСКОЙ КОМЕДИИ

51

О ГРАНИЦАХ ПРЕКРАСНОГО

62

О ЦЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ГРЕКОВ И РИМЛЯН

70

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГРЕЧЕСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА

88

ОБ ИЗУЧЕНИИ ГРЕЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

91

ГРЕКИ И РИМЛЯНЕ. ПРЕДИСЛОВИЕ

191

ИСТОРИЯ ПОЭЗИИ ГРЕКОВ И РИМЛЯН

199

II

БЕРЛИН—ЙЕНА

1797—1801

ГЕОРГ ФОРСТЕР

232

О ЛЕССИНГЕ

254

КРИТИЧЕСКИЕ ФРАГМЕНТЫ

280

ФРАГМЕНТЫ

290

О „МЕЙСТЕРЕ“ ГЕТЕ

317

О ФИЛОСОФИИ

336

ИДЕИ

358

РАЗГОВОР О ПОЭЗИИ

365

О ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЖОВАННИ БОККАЧЧО

418

КОНЕЦ СТАТЬИ «О ЛЕССИНГЕ»

423

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

431

ПРИМЕЧАНИЯ

441

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Мы философствуем — это факт. Следовательно, мы начинаем; мы начинаем с чего-то. Это *стремление* к знанию совершенно особого рода, к знанию, касающемуся всего человека, то есть не только *действий* человека, ибо действия составляют как бы только один полюс человека, но и *знания* человека. Следовательно, это должно быть *знанием знания*.

Это как бы дефиниция философии. Но она не может служить путеводной нитью, если мы начинаем философствовать. Ибо если бы я хотел исходить из суждения, что философия — это *знание знания*, то знание оказывалось бы всегда предпосланным этому. *Философия* — это *эксперимент*, и потому каждый, желающий философствовать, должен неизменно начинать с самого начала. (В философии дело обстоит не так, как в других науках, где берут уже достигнутое другими и, опираясь на него, строят дальше. Философия — это само по себе существующее целое, и каждый, желающий философствовать, должен начинать с самого начала.)

Итак, мы начинаем.

Философия должна быть знанием, и притом абсолютным знанием; мы должны стремиться к тому, чтобы каждый наш шаг был *необходим*, не содержал ничего гипотетического.

Отсюда *метод*, согласно которому мы действуем, будет методом *физики* или *математики*. А именно — наше исследование будет либо *экспериментированием*, как в физике, либо *конструированием*, как в математике. Метод этих наук вполне *независим* и потому должен быть применен и здесь. (. . .)

ТЕОРЕМА I

Все в едином, и единое есть все. Это начало всех идей и идея всех начал.

Мы пришли к данной теореме, абстрагировавшись от всего, что противоположно абсолютному. Мы установили поэтому только *бесконечное*; одновременно у нас было и *знание бесконечного*, то, из чего исходит вся философия.

Нам нужно подробнее рассмотреть данный феномен.

Если мы абстрагируемся в человеке от *знания и воли*, что мы должны сделать, ибо мы стремимся сначала к познанию, то мы находим нечто еще — *чувства и стремления*. Посмотрим, не найдем ли мы здесь чего-то аналогичного сознанию бесконечного. Сначала обратимся к *чувствам*.

Если мы отбросим все отдельные многообразные чувства, вызывающие изменения в человеческой жизни, то у нас останется *одно чувство*. Это *чувство возвышенного*, и в нем мы находим аналогию с *сознанием бесконечного*.

Хотели объяснить это чувство *, но это не годится, это *последнее, изначальное*, что не может быть объяснено. Это то, что отличает человека от животного. Оно заключено не в предмете. Предмет может быть каким угодно. Чувство *единственно*; это *изначальный* элемент человека. Оно не зависит от культуры. Даже у первобытных людей оно встречается, полное предельной энергии. Оно возникает, когда сразу сдерживаются все отдельные, как бы малые чувства. Так же обстоит дело и со *стремлениями*. Среди множества отдельных стремлений, делающих жизнь человека разнообразной, существует одно, проистекающее из всех других, — *стремление к идеалу*. Оно проистекает не из природы, а только из культуры. Мы хотели отыскать высшее из того, что есть, если абстрагироваться от знания и воли, и оно имеет аналогию с сознанием бесконечного.

Мы нашли *чувство возвышенного и стремление к идеалу*. Нам нужно подняться еще выше и посмотреть, что есть *общего в конечных началах* у обоих, что составляет их посредствующий элемент. Это *томление* (Sehnsucht) по бесконечному, и выше этого в человеке нет ничего. (. . .)

СЛЕДСТВИЯ ИЗ ЭТОЙ ТЕОРЕМЫ

Из этой теоремы следуют четыре *аксиомы*.

I аксиома: принципы — это переход от заблуждения к истине.

Вся реальность — это продукт противоположных элементов. (Можно утверждать, что естествознание, как бы высоко оно ни поднялось, не найдет более высокой точки, которой оно достигает, кроме *дуализма*. Это чистейшая, высшая иллюзия и потому принцип поэзии.)

* Чувство возвышенного не нуждается в объяснении. Но все другие чувства должны быть объяснены.

Дуальность — характер всех принципов в том, что относится к материи; так как оба праэлемента в свою очередь состоят из двух элементов, то формой принципов будет *четверичность*.

II аксиома: реальность заключена только в идеях.

Тождество — это характер идей. Они представляют собой поэтому только *выражение*, символ. Их формой будет *троичность*. (Попутно можно заметить: *метод должен начинаться редукцией*. Поэтому система может начинаться только с буквы, а не с духа.)

III аксиома: всякое знание символично.

Эта аксиома непосредственно вытекает из второй. Идеи могут быть высказаны только символически.

IV аксиома: всякая истина относительна.

Ибо всякая истина, согласно известному изречению, лежит посередине. (. . .)

Из выдвинутых аксиом вытекают следующие положения: *философия бесконечна, как интенсивно, так и экстенсивно. Разделение философии произвольно.* (. . .)

Если философия бесконечна, то и знание бесконечно; в соответствии с этим существует только одно знание — философское. Всякое знание — философское. Это неделимое целое.

Из аксиом вытекает еще, *что и скепсис вечен*, как и философия. Однако *скепсис не как система*, но постольку, поскольку он принадлежит к философии. Идея философии достижима лишь в бесконечной прогрессии систем. Ее форма — это круговорот. (. . .)

О философии можно было бы сказать то, что итальянский поэт сказал о Боге: *философия — это круг, центр которого везде, а окружность — нигде*¹. Что верно о философии в целом, верно и о каждой из ее частей.

* * *

Философия имеет дело с *сознанием бесконечного*; если она рассматривает его в *бессознательной* форме, то нисходит в предельные глубины; если же она рассматривает его в *сознательной* форме, то восходит на *предельную высоту*, какую только может достичь человеческий дух.

Философия устремлена к абсолютному. Отсюда для нее вытекают два следующих положения:

1) *Во всех людях должно быть развито стремление к бесконечному.*

2) Видимость конечного должна быть уничтожена; чтобы достичь этого, все знание должно быть приведено в революционное состояние.

Сознание есть история. Возвращение определенного в неопределенное содержит или составляет различные эпохи.

І ЧАСТЬ. ТЕОРИЯ МИРА

Мир происходит из *неопределенного* и *не-я*. Понятие мира никоим образом не тождественно тому, что называют *вещами вне нас*. Не существует вещей вне нас. (. . .) Объективный мир есть результат духовных сущностей.

Элементы мира вне нас — это *материя* и *форма*. (. . .) Форма — это принцип *единства*, а *единство* — это свойство формы. В чем состоит основа единства?

Реальное единство можно найти только в субстанции. Существует *одна* субстанция. *Следовательно, источник формы — это субстанция*. В чем же будет заключаться *источник материи*? В противоположном *субстанции* — в *элементах*. Форма субстанции — тождество (устойчивость), форма элементов — *двоичность* (изменчивость). Если мы соединим субстанцию с двоичностью и изменчивостью, то получим *индивид*. *Форма — это субстанциальное в индивидах*. (. . .)

Всякая форма бесконечна. Доказательство заключено уже в дедукции формы, в том, что ее источник — *субстанция*. Субстанция же *едина, вечна, бесконечна*. Форма возникает, поскольку субстанция индивидуализируется. Следовательно, индивид — это выражение формы. Подлинный характер индивида — это бесконечная делимость его существа, и это форма. Она есть отношение частей к целому. Индивид как субстанция есть целое, а части возникают из двойственности. Индивид может мыслиться лишь как *энергия* (внутренняя действительность, не имеющая границ).

Вопрос, с которым обращаются к философии и в ответе на который и заключено все, гласит:

Почему бесконечное вышло из себя и стало конечным? Иными словами: *почему существуют индивиды?* Или: *почему игра природы не прекращается в мгновение, так что не существует ничего?* Ответ на этот вопрос возможен лишь в том случае, если мы введем сюда еще одно понятие. А именно, у нас есть понятия: *единая бесконечная субстанция* и *индивиды*. Если мы хотим объяснить переход от одного к другому, то сможем это сделать, лишь введя между ними еще одно

понятие, а именно понятие *образа*, или *изображения*, *аллегории* (ἄλληλον). Итак, индивид — это *образ единой бесконечной субстанции*. (. . .) Из *аллегории* следует, что в каждом индивиде содержится реальность лишь в той мере, в какой в нем есть *смысл, значение, дух*.(. . .)

Важнейшие результаты учения о материи и форме:

1) *Что все бытие органично*, в том числе и в человеке, что прямо-таки противоположно обычному взгляду.

Из этого следует,

2) *что существует только один единый мир* и

3) *что мир еще не завершен*. Последнее положение ясно выражает отличие нашего взгляда от обычного.

II ЧАСТЬ. ТЕОРИЯ ЧЕЛОВЕКА

По своей материи у *поэзии* и искусства — тот же объект, что у *религии* и *морали*. В этой сфере заключена материя поэзии. Всякий смысл искусства относится к любви и природе, тем самым — к *религии*. Особенное же, характер, страсти, чувства, изображаемые искусством, относятся к морали. Все специфически единичное в человеческих страстях, как и все великое и божественное, может быть выведено *из чести и любви*.

Искусство — это *материальная поэзия* в звуке, цвете или слове.

Философия, выходящая из себя самой и становящаяся философией жизни, совпадает с поэзией. *Материя* искусства и науки одинакова, однако форма различна. Философ хочет знать, художник же хочет изобразить. Этим отличаются *поэзия* и *философия*, первая изображает, вторая же хочет *знать*, она объясняет или дает предписания, как что-либо создается реально.

Но мы находим и другое отличие, заключенное более глубоко в их сущности, реальное различие сфер. А именно любовь, природа, индивиды, честь и культура составляют содержание всякого искусства и практической философии. В философии мы исходили из среднего звена трех основных понятий практической философии: *морали, политики, религии*, хотя можно было бы начать также и с конечных звеньев. Мы показали, как мораль и религия объединяются в политике. Это происходит только в *философии*, но не в *искусстве*. Последнее не имеет дела с политикой и лежит совершенно вне ее сферы. Философия может и должна со-

единять принципы практической жизни и внутреннего человека, или принципы его возвращения в целое, и притом таким образом, что это сохраняется и на практике.

Поэзия также соединяет оба конечных звена средним, но это среднее звено — не политика, как в философии, а *мифология*. Во всякой мифологии содержится символика природы и любви; особенно заметно в этом индивидуальное, человеческое. Человечество вполне выражено в этом.

Следовательно, среднее звено в поэзии — это мифология, в философии же — это политика. Обе соединяют мораль и религию. Теперь мы должны отметить преобладание одного элемента в одном случае, другого элемента — в другом. В случае *мифологии преобладает религия*, в случае *политики — мораль*. Первое проявляется в том, что мифология совершенно удалена от практической жизни.

Нашим направляющим принципом всегда должен быть преобладающий элемент, следовательно, в мифологии — *религия*, в политике — *мораль*. И если, как говорили древние, философия — это наука о божественном и человеческом, то человеческое должно преобладать, но так, чтобы и божественное не забывалось при этом. *Если соединить знание божественного и человеческого с самопознанием и знанием природы, то у нас будут полностью все элементы мудрости.* (. . .)

Утверждалось, что упомянутые божественные силы действуют лишь через символическое изображение; они должны, следовательно, являться только символически. Это имеет значимость прежде всего для субъективного, а именно для *любви*. Что можно было бы рассматривать в качестве внешнего символа любви? *Радость* *. (. . .)

Любовь — ядро, сущность всех *чувств*. Проявление ее действия связано с удовольствием, оно будет радостью. Толкование радости двояко — в качестве *животной* и *божественной*. *Божественная радость* — символ любви. Божественная радость соответствует *красоте*.

Гармония — там, где прекрасны все чувства и влечения. Если же чувства и влечения прекрасны, то они, разумеется, и *нравственны*. Нравственность состоит в совпадении человека с собою. То, что противоборствует нравственности, сопротивляется ей, — это злое начало в человеке, следовательно, не *чувственность* вообще, но нечто совершенно *индивидуальное*, у каждого — свое собственное злое начало, проти-

* Существует радость двоякого рода — *животное удовольствие* и *божественная радость*.

востоящее гармонии, и в преодолении его и заключается нравственность и добродетель. (. . .)

Философия распадается на три эпохи. Первая эпоха — когда философия конституирует себя самое. Здесь она должна действовать в строгом согласии со своим методом, схема должна правильно восприниматься и буква точно различаться. Каждый подлинный философ вносит нечто более или менее самобытное в конституирование философии.

Вторая эпоха — когда философия выходит из самой себя и становится философией жизни *. Здесь она отступает от строгости своего метода, и здесь идеализм соприкасается с догматизмом; среднее звено, их соединяющее, — это обычный способ мышления. Изложение должно быть жизненным, должно пробуждать силы, потрясать устоявшиеся мнения. В первую эпоху философия имела значение лишь как таковая, здесь же решает и жизнь; жизнь должна иметь здесь решающий голос.

Третья эпоха — возвращение философии в себя самое. (. . .) Она становится теперь философией философии. Не только теория метода, но и проблемы соединения теории и эмпирии, равно как соединение всех искусств и наук, являются здесь ее объектом. (. . .)

Философия направлена на универсум и, следовательно, на единство. Всякая философия направлена на единство. Но характер единства различен. Единство нашей философии — это гармония, или единство в соотношении отдельного с целым. Эта философия основывается на понятии организации природы. Понятие это переходит и в практическую философию. Здесь первой проблемой был вопрос о назначении человека. Согласно нашему методу мы и здесь конструировали понятия. Назначение человека мы могли искать только в его существе, и мы нашли здесь понятия фантазии, разума и свободы. Свобода — единственная реальность в нашем желании, волеии, помышлении и стремлении. Высшее благо — это свобода, или по крайней мере оно должно содержаться в ней. Спрашивают при этом о высшей цели, чтобы измерить ею свои цели. Понятие свободы недоступно абсолютному изображению. Жизнь — это только приближение к этому понятию. Для практического применения деталь такого приближения важнее чистого понятия. Условие приближения — относительная свобода. Последняя благодаря за-

* Философия жизни — это продукт философии философа и его жизни.

кономерности была осознана как противоположная абсолютной свободе, и первой степенью приближения оказалась *автономия*. С этой автономией координируется *изономия*, а именно то, что автономия должна быть всеобщей и относиться не к единичному, но к целому, ибо иначе она разрушила бы себя самое. Продукт обоих — *гармония*, определяющая отношение отдельного к целому. Первый вывод из этого — *что мы не можем рассматривать человека в его отдельности*. Вопрос о назначении человека относится, стало быть, не к индивиду, но ко всему человечеству. Мы должны конструировать его как органическое целое. Практическая философия должна, следовательно, конструировать не идеал отдельного человека, но идеал целого, общества.

Второе важнейшее требование состоит в том, что понятия столь же применимы и к внутренней гармонии отдельного человека, его культуре и нравственности. Гармония — единственная и высшая проблема для нравственного человека.

III ЧАСТЬ. ВОЗВРАЩЕНИЕ ФИЛОСОФИИ В СЕБЯ САМОЕ

Чтобы конструировать философию философии, или материальную, реальную логику, мы должны были привести результаты познания, знание и истину. Мы должны были также призвать на помощь эмпирию.

Посредством основных понятий эмпирии вызывается способность правильного *установления аналогий*. Это определенный род гения. И незавершенное знание целого с помощью данного посредствующего звена (гения) излагается так, как если бы оно было завершенным. Все целостности в сущности представляют собой одно и то же, поэтому и возможно, исходя из одной из них, делать вывод относительно другой. Этим подтверждается, что аналогия есть незавершенное знание. Знание индивидов не может быть завершено. Каждый индивид — новое слово для универсума.

Если философия бесконечна, все в ней должно продуцироваться; каждая философия, которая не нова, неистинна. Поэтому открытие — одно из первых требований к философии и ко всем искусствам и наукам. (. . .)

Понятие, прямо противостоящее *открытию*, — это *сообщение*. Они отличаются друг от друга, как внешнее и внутреннее, субъект и объект. (. . .)

Нет иного средства, кроме *изложения*. Если благодаря изложению в другом будет происходить то, что происходило

в нас, то цель сообщения достигнута. В сообщении должно содержаться изложение не только результатов, но и способа возникновения, изложение, следовательно, должно быть *генетическим*. Истинный метод изложения в соответствии с этим — генетический, или исторический. (. . .)

Мы должны отыскать еще посредствующее понятие между открытием и сообщением. Это понятие *развития* — основное понятие метода. Оно проистекает из того положения, что истина бесконечна, что человеческий дух должен исходить из заблуждения.

Понятие развития присуще обоим — открытию и сообщению. Каждое открытие — не что иное, как дальнейшее развитие единой, никогда не завершающейся истины.

В потребности развития коренится то, что чистая философия диалектична. То, что не диалектично, не является больше чистой философией, теряется в чем-то другом.

В сократическую эпоху философия была диалектической. Это может послужить нам примером, и мы можем с полным основанием сказать, что *метод философии должен быть сократическим*; это не означает, что она должна связать себя определенной формой, но мы хотим лишь напомнить о том, что дух истинной философии может расцвести не раньше, чем вновь будет обретено и приведено в действие искусство вести научный разговор. (. . .)

Что касается основы истории, то ею должно быть знание становления. Однако не соотносящееся с реальным не может быть знанием. Знание есть лишь трезвое размышление о реальном. Если требуется от истории, чтобы она рассказывала вещи, достойные познания, то это должны быть реальные вещи. Интерес заключается в реальном.

Интересно то, что относится к внутренней борьбе между добром и злом, или то, что ведет к божеству. Каждый индивид может и должен быть историей.

Нам следует поискать понятие, выражающее интересное в индивиде. Это понятие *классического*. Это понятие всегда, хотя и несправедливо, относили только к искусству.

У древних классическое означало завершение индивида согласно его собственному идеалу. (. . .) Это понятие, следовательно, выводится из сферы искусства и переводится в высшую сферу. Оно означает то, что имеет реальность в индивиде, и притом высшую точку, где он ближе всего к своему идеалу, высшую реальность в индивиде.

Легко увидеть, что понятие классического применимо и

к истории природы. Понятие классического — центральное понятие энциклопедии. Оно должно показать органическое единство в различии искусств и наук.

Интересное относится к полемике. Оно основывается не на предпосылке всеобщего сообщения, а на незавершенности природы, на не решившемся еще исходе борьбы добра и зла.

Нам нужно отыскать посредствующее понятие между интересным и классическим. Это понятие определит одновременно форму и материю истории, или высшей истории. Совпадение индивида и его идеала всегда рассматривается как благосклонный дар природы, что является также и признаком *гения*.

Гений — средний термин, он означает духовную силу высшей потенции. Он должен быть не только всеобщим, но также и индивидуальным. Следовательно, это реальность, являющаяся классической.

Если должна существовать духовная сила, то производимое ею может быть вечной реальностью, следовательно, существовать не только в индивиде, но и в универсуме.

Материя истории определяется теперь более конкретно как гениальная или интересная и классическая. Тогда и понятие гения определяется более конкретно, ибо целое нельзя мыслить изолированно. Оно живет только в гармонии целого.

Так как мы не принимаем иной реальности, кроме духовной, то все реальное гениально. Идеализм рассматривает природу как произведение искусства, как поэтическое творение. Человек как бы творит мир, не зная об этом.

* * *

Перспективы философии заключены уже в энциклопедии и полемике, нам нужно лишь поставить теперь ей проблемы.

Должно осуществиться целое.

Разделение должно прекратиться.

Существует только одна единая реальность. Все искусства и науки составляют ее существо.

Философия должна конструировать реформацию. Органическое целое искусств и наук таково, что все отдельное должно стать целым. Науке, которая соединяет все искусства и науки, подобно тому как политика соединяет религию и мораль, и которая, следовательно, явилась бы искусством продуцировать божественное, — такой науке нельзя дать другого названия, кроме *магии*.

ведение древней идиллии; вообще античные устремления господствуют у него не в той мере, как у Гварини, и его прекрасный стиль свободен от всякой своеобразной национальной манеры».

² Вместо этого абзаца в тексте SW: «Стиль языка предстает у Тассо совершенно законченным, не ограниченным национальными особенностями в его всеобщей романтической красоте; однако по объему и значимости содержания и глубине вымысла Тассо не стоит на той же высоте».

³ В тексте SW: «символическим, в котором субъективное чувство высказывается во всей своей глубине».

КОНЕЦ СТАТЬИ «О ЛЕССИНГЕ»

Написано в 1801 г. при переиздании статьи «О Лессинге» 1797 г. Впервые опубликовано: К, I.

Это заключение статьи, содержавшее также подборку фрагментов, опубликованных в журналах «Лицей изящных искусств» и «Атеней», по существу, мало связано с первой частью; в нем говорится о таких важных для Шлегеля 1800-х гг. понятиях, как «энциклопедия», «символическая форма» (наглядным образом ее оказывается у Шлегеля парабола — «трансцендентная линия», один центр которой лежит в «конечном», другой — в «бесконечном») и др.

Перевод по: КА, 2 (с небольшими сокращениями).

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ
(TRANSZENDENTALPHILOSOPHIE)

Лекции, прочитанные Шлегелем в Йенском университете с 27 октября 1800 г. по 24 марта 1801 г. Записаны одним из слушателей; текст представляет собой переписанное набело сокращенное воспроизведение лекций. Впервые изданы Й. Кернером в 1935 г. (NFS, S. 117—219). Переведены отрывки по: КА, 12, S. 3, 7, 8—9, 10, 11, 37, 39, 40, 43, 61—62, 65, 66—67, 78—79, 91, 86—87, 101, 102, 103—105.

¹ Это высказывание встречается, в частности, уже у поэта и философа XII в. Алана Лилльского (см.: Памятники средневековой латинской литературы X—XII вв. М., 1972, с. 331). См. также: Liber XXIV Philosophorum, ed. C. Baumer. — In: Beiträge zur Geschichte der Philosophie des Mittelalters, 1928, S. 207—214; *Mahnke D.* Unendliche Sphäre und Allmittelpunkt. Halle, 1937; *Poulet G.* Les métamorphoses du cercle. Paris, 1961, ch. 1. Ср. также у Николая Кузанского («Об ученом познании»): «...пытаясь представить в математической фигуре бесконечное единство, называли бога бесконечным кругом. А созерцатели всецело актуального божественного бытия называли бога как бы бесконечным шаром» (*Николай Кузанский.* Соч., т. 1. М., 1979, с. 66—67; см. там же, с. 82—84; т. 2. М., 1980, с. 275, 287).